

ИТАР-ТАСС

Королева-мать нашего кино

Нонне Мордюковой — 80

Свой день рождения терпеть не может, но согласилась отпраздновать в Доме кино. Еще накануне волновалась, звонила верной подруге — шпалоукладчице из знаменитого клипа Дениса Евстигнеева — Римме Марковой, причитала: «Ой, боюсь, Римм, никто не придет...». «Ты что, с ума сошла, на люстрах висеть будут»... Такого столпотворения московский Дом кино не помнит. В проходах, на ступеньках, на полу... Протискивались, проползали. Директор Аркадий Кушлянский застыл с красным лицом в предынфарктном состоянии... Но вдруг вся эта колышущаяся, воющая за места толпа превратилась в публику. Внимающую, благоговеющую, поклоняющуюся королеве экрана.

Королева пела про тот большак, про перекресток — там, на черно-белом экране, и здесь, в разноцветном настоящем. Ее слепили софиты и вспышки фотокамер, поддерживал под руку ведущий вечера Сергей Новожилов. Кажется, Королева в этот вечер была по-настоящему счастлива и, как обычно, остра на язык. Царственно принимала подарки и славословия в свой адрес. Родина-Мать. Национальная идея. Медя, сосланная в колхоз.

Точнее всех был режиссер Александр Аскольдов: «Не мой жанр — публичное объяснение в любви. Очень горько и несправедливо обошлись с нами и нашим фильмом «Комиссар». Но мы пережили, выстояли и испытали счастье, когда оказалось, что сделанное нами людям нужно. У актрисы отняли главную Роль... почти на 20 лет. Великая она? Нет? Она — одна такая. Кусок естества, породы. Вот почему невозможно никак объяснить то, что она делает на съемочной площадке...»

Мордюкова — неведомый сплав: величественная и простая, трагическая и фарсовая, жесткая и слабая, юродствующая и философствующая. Покорная сильной режиссерской воле и неуправляемый тайфун. Барыня-крестьянка, закрывшая своим статным телом амбразуру нерастраченной любви в продуваемых просторах социалистических строек (после войны миллионы вдов смотрели на экран как в зеркало). Лучшие из лучших не могли соответствовать ей — не дотянуться. Вроде хорошие мужики. Но не орлы. Она умела «простую историю» перевести в трагический регистр. А на дрожжах комедии взрастить чистую классику. Маленький шедевр в «Женитьбе Бальзамина»: «Он мне нравится... Ты мне его каждый день...», по словам Нонны Викторовны, получился после 29 дублей. «Мало кто знает, — вздыхает актриса, — качество кино берется дублем. Вицин был такой худенький, добрый. Йогой занимался... Так я его из дубля в дубль мусолила. Снова и снова кидала к забору... Воздушный был человек. Щеки, шея уже все красные. Да и царапины от забора. Но 29-й дубль и правда был самый лучший»...

Ее маленькие роли становились шлягерами от первого до последнего слова. Каждая фраза ее Домоуправа, друга человека из «Бриллиантовой руки», заучена наизуток. «Надо больше комедий, — говорит Нонна Викторовна, — держимся-то только на смехе».

Родители, замороженные революцией, с именем явно переусердствовали. Ну какая она Ноябрьрина? Ульяна, Настя Огородникова, Стеша Ряшкина, Саша Потапова, Степанида, Федосья Угрюмова, пусть даже Дядя Миша («Вокзал для двоих») — «посредник между землей и народом, а не спекулянтка». Рассказывают, во время съемок «Родни» она присела на вокзальную скамейку в носках, кофте, и народ пошел к Мордюковой. Кто детей крестить, кто нес яйца, кто булки, кто яблоки...

Последней работой в кино стала главная роль в фильме «Мама» Дениса Евстигнеева. Тут аллегория с Родиной могла бы сработать на страшный смысл фильма — Мать-Родина посылает своих сыновей на явную гибель. Но фильм Дениса Евстигнеева, созданный в переломную эпоху, был слишком схематичен. И большой актрисе в этой клетке конструкции было явно тесно. Все актеры-сыновья из фильма «Мама» вспоминают работу с живой легендой.

Евгений Миронов: «Нас осчастливила судьба. Всю нашу пятерку. Она нам помогала, как родной человек».

Почему главную музу советского кино перестали снимать? Можно сказать, в связи с кончиной самого советского кино. А скорее всего, оттого, что масштаб дарования актрисы оказался великоват для куцых коммерческих потуг кино современного, российского...